

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ

РАССКАЗЫ

Встреча, встреча, бла-бла-бла-бум!..

Эльвин проходил по одной из центральных улиц города мимо кафе и ресторанов, которые два дня как открылись после жесткого карантина, что должен был убедить население от вируса, коронавируса, или как его там по-научному. На открытом воздухе были выставлены столики, и за ними на порядочном расстоянии друг от друга, как и рекомендовалось и предписывалось правилами в период пандемии, сидели посетители, некоторые были в масках, прикрывавших рот и нос, несколько девушек, опустив маски ниже подбородка, пили кофе, коктейли, те, кто в масках, ожидали свои заказы, а официант внутри помещения кафе сонно поглядывал на улицу, на девушек за столиками, на знакомую кошку, прижившуюся здесь и беззаботно валявшуюся то под одним столиком, то под другим, словно подчеркивая, что плевать хотела на карантин и на все маски. А люди... почти у всех были настороженные, пасмурные лица, подозрительные, напряженные взгляды, как бывает, когда ждут заранее прогнозированного стихийного бедствия.

Черная маска плотно закрывала её лицо, но Эльвин узнал её по глазам, они, заметив его, будто вспорхнули, когда он проходил по улице почти рядом с её столиком за ограждавшими территорию кафе кустами. И она узнала его, он догадался по её ожившему взгляду, уставившемуся ему в лицо. Он кивнул, улыбаясь, тут же подумав, что вряд ли можно догадаться, что под его маской скрывается добродушная улыбка, а под темными очками – потеплевший, приветливый взгляд. Тем не менее, она узнала, обрадовалась, и Эльвин остановился подле её столика.

– Ты можешь сесть за мой столик, – сказала она. – Если не торопишься.

– С удовольствием, – сказал он и пошел к входу, снимая маску с лица, но оставляя улыбку.

Она была младше Эльвина лет на пятнадцать, и когда-то, в паузе между вторым и третьим, теперешним её мужем, у них закрутился бешеный роман, и он даже подумывал, а не стать ли ему её очередным супругом, но блажь прошла, как приступ падучей, оставив после себя дикую утомленность, усталость, нервное истощение: она была фантастически капризна, ревнива, требовательна, нет, нет, подальше...

Теперь она была в солидном для женщины возрасте, но даже в этом солидном возрасте выглядела потрясающе – холеное лицо с темными бездонными озерцами распахнутых любопытных глаз, ухоженное, крепкое, загорелое тело, спокойное, выжидательно-ироничное выражение, не сходящее с лица даже когда она слушала что-то неприятное в свой адрес, припухлые губы, что она любила вытягивать дудочкой, будто приглашая к поцелую, но дразня и забавляясь отказом в последний миг...

Она тоже сняла маску жестом принцессы, поднимающей вуаль с лица, и он убедился, что за эти годы, что они не виделись, она ничуть не изменилась, точнее – изменилась к лучшему: стала еще красивее, а красота её зрелая, и теперь даже чуть перезрелая, стала притягательнее, чем прежде.

– Давно не видел тебя, – сказал Эльвин, усаживаясь напротив неё и придумывая комплимент, который мог бы быть к месту.

Но тут подошел официант с её заказом на подносе, в черных перчатках и со скорбным лицом, будто хотел поставить на стол не чашку с кофе, а похоронный венок, и Эльвин замолчал, а она не ответила, пережидая официанта. Официант посмотрел на него, и он тоже заказал кофе, и официант ушел, удалился медленной, торжественной походкой, как высокий гость перед почетным караулом.

– Ты не поверишь, – сказала она, свертывая и кладя маску в дорожную сумочку «Шанель». – Сегодня ночью я видела тебя во сне.

– Эротическом?

– Ты верен себе, – сказала она, усмехнувшись. – Нет, скорее, в романтическом.

– Всего лишь? – шутливо произнес он. – И это после десяти лет разлуки?..

– Разлуки? – удивилась она. – Не слишком ли сильно сказано? И потом, не десяти... Мы не виделись, – она на минутку задумалась, вспоминая...

«Вот идиотка! Подсчитывает...» – подумал он.

– Восьми... – наконец произнесла она.

– А, – сказал он, улыбаясь.

– Ну, – сказала она, доставая из сумочки пачку сигарет, а из пачки одну сигарету и показывая пачку ему, предлагая, он покачал головой, отказываясь. – Теперь, раз уж попался, расскажи мне, как ты живешь, как ты жил все эти восемь лет без меня, – она тихо, коротко посмеялась, давая понять, что пошутила. – Ты по-прежнему один?

– А с кем я должен быть? – спросил он, немного ёрничая.

– Не женился? – пояснила она, сопровождая вопрос непонятными жестами, как слабоумному.

– В моем возрасте говорить о женитьбе...

– По-моему, ты в любом возрасте можешь...

– Вот как! Ты все так помнишь?

– Помню, – сказала она, прикурив от зажигалки и пуская дым через ноздри по-мужски, как заправский курильщик. – Ну, ты будешь рассказывать?

– Что тебе рассказывать?

– О себе. Мне интересно.

Тут из кафе послышалась песня Иглесиаса-старшего, люди за столиками немного притихли. Смотри ты, откуда столько приличной публики?..

– Давай послушаем, – сказал он.

Эльвин сидел лицом к приморскому бульвару, и были видны верхушки деревьев, тихо покачивающиеся от слабого ветерка, и вдаль – кусочек светлой глади моря, отражавшей полуденное солнце. Ветерок прилетел и сюда, всколыхнув запахи зелени кустов, опрысканных водой, с блестящими, как роса, капельками на узких листьях. Песня кончилась, и за соседними столиками кто-то вновь продолжил прерванный разговор, а девушка за дальним столиком, сидевшая одна, сердито затараторила в телефон, будто диктовала, не желая слышать возражений.

– Песня нашей молодости, – сказала она.

– Нашей? Вы, девушка, кажется, забыли, что я вам гожусь в дедушки... – он посмотрел на её такую знакомую ироничную улыбку, улыбнулся тоже. – Губы, кажется, новые? – неуверенно спросил он, внимательно вглядываясь в её лицо.

– Нет, что ты, – сказала она. – Ты же знаешь – я не люблю дополнять природу.

– Да тебе и нет никакой необходимости в этом, – сказал он искренне.

– Спасибо.

– А ты как поживала эти годы? – спросил он так, будто уже рассказал о себе, ответив на её настойчивый вопрос, и теперь её очередь, и, зная её характер, заранее догадываясь, что возражать не будет – она любила поговорить о себе, как, впрочем, и многие женщины – устался на неё в ожидание ответа.

– По-разному, – сказала она. – Мы с мужем последние три года жили в Буда-

пеште, у мужа там большой бизнес, а часть здесь, в Баку... Хотя какой теперь бизнес, все рушится... Вот, приехали две недели назад, прошли карантин, сейчас он занимается делами, больше из дома, конечно, он-лайн, дает указания, распоряжения, орет, распекает, не скучает, одним словом. А я вот гуляю, сама по себе, как та кошка... Слава богу, немного размягчили карантин. Кафешки открылись... Хожу на бульвар... соскучилась по нашему городу...

– Много новых любовников?

– Очень смешно.

– А чем занимается твой муж?

– Героин, марихуана, наркотики, в общем. Иногда оружие и проститутки. Это его основной бизнес.

– Тоже смешно.

– Хорошо я пошутила?.. Вообще-то у него фармакологический бизнес. В Будапеште он контролировал сеть крупных аптек, да и здесь тоже кое-что имеется, – сказала она, явно желая похвастать успехами мужа, немножко в пику ему, не имеющему никаких финансовых успехов. – Вполне легальный бизнес.

– О-о! – произнес он с наигранным восхищением, подыгрывая ей: пусть радуется, дурочка, – Самый прибыльный легальный бизнес, и самый легальный из всех легальных.

– Да ну тебя! – улыбнулась она добродушно.

Рядом с кафе по улице проходила, громко разговаривая и смеясь, стайка молодых девушек, с видимым удовольствием порхающих на свободе после жесткого карантина. Он проводил их взглядом.

– А ты по-прежнему смотришь на женщин раздевательски? – сказала она, перехватив его взгляд.

Он не ответил, улыбнулся ей. Помолчали. Она, как богатая женщина, привыкшая многое себе позволять, бесцеремонно рассматривала его и, кажется, ей не нравилось то, что она видела: чистая, но неглаженная, дешевая рубашка, недорогие часы на запястье, облысевшее темя, как островок на голове, похожий на тонзуру католических монахов – это был не тот мужчина, что ушел от неё в разгар их страсти, опасаясь пропасть, потерять себя, бросив все к её ногам.

– А что ты там видела во сне? – спросил он без всякого интереса, чтобы только нарушить затянувшееся и ставшее немного тягостным молчание. – Что я делал?..

– Не надейся. Ничего не делал. Просто сидел со мной в моей спальне, держал меня за руку и что-то говорил так искренне, так проникновенно... А тут ворвался он с револьвером в руке и стал стрелять в меня, в тебя, в нашу прислугу, в собаку... – она вдруг рассмеялась весело, расхохоталась, дав в пепельнице окурков и осторожно промокая выступившие слезы платочком из сумки.

– Что такого смешного? – спросил он. – Это, по-твоему, смешно?

– Конечно, смешно. Если б ты его видел – толстый, рыхлый, лысый, истеричный мужчина, он так потешно кричал: «Ах ты, шлюха! Ты опять!..» Вот уж кто смешно, пародийно, неправдоподобно выглядит, когда стреляет в неверную жену, – и она опять залилась громким смехом, так что прохожие и посетители кафе стали оглядываться на них.

И тут вдруг стало как-то непонятно, непостижимо быстро темнеть, небо посерело, помрачнело, как перед грозой, покрылось темными тучами, стало совсем темно, как ночью, и только он хотел предложить ей уйти с открытой веранды кафе, как вдруг ощутил странным образом её руку в своей, увидел себя с ней в полумраке роскошной спальни, она была в прозрачном пеньюаре, её губы приблизились к его, рука её стала тянуть его к раскрытой постели, он почувствовал её дыхание на своей щеке, запах тонких дорогих духов, её полузабытые, мягкие, пухлые губы с предусмотрительно стертой помадой, её обнаженное тело, прижимающееся к его разгоряченному

все сильнее, все крепче...

Эльвин как сквозь сон внезапно услышал дикий, истерический визг, встrepенулcя, увидел торопливо приближавшегося к ним, тесно обнявшимcя, толстого мужчину с животом, вылезшим из брюк и колышущемcя при каждом шаге, увидел блеснувший диким ознобом револьвер в его руке, услышал истерический крик:

– Ах ты, шлюха! Ты опять!

Тут же за этим диким криком раздались подряд два выстрела в упор в неё, ей в лицо, и это вмиг изуродованное лицо превратилось в кровавое месиво, и люди в кафе, ошарашенные, перепуганные посетители – свидетели убийства среди бела дня – тоже невольно закричали... и лицо её, прекрасное за минуту до этого, теперь, залитое кровью, с выбитыми зубами и темным мертвым глазом на ниточке сухожилия возле опрокинутой чашки с кофе лежало на столе, уткнувшись в пепельницу с окурком со следами помады на фильтре.

Толстяк, хладнокровно запихнув револьвер за пояс, отошел от столика, от кафе, и на виду у потрясенной публики спокойно пошел прочь, переваливаясь, как утка при ходьбе, с боку на бок.

Эльвин остался сидеть за столом среди запаниковавших, забежавших, засуетившихся людей вокруг. Он сидел, глядя на её труп и стараясь нащупать, ощутить хоть какую-то зыбкую границу между сном и явью, между реальностью и безумием, чтобы опереться на эту границу и перейти на какую-нибудь сторону, но это было невозможно – мертвая женщина перед ним была и реальностью, и сном.

Визит невежливости

Ко мне заявились родственники, которых я знал только понаслышке – четвероуродный племянник троюродной сестры или что-то вроде, я не очень разбираюсь в родственных связях. А этого молодого человека, помнится, видел, когда ему было года три, и запомнил, потому что как-то его родители затащили меня в гости, и этот малыш за столом ухитрился опрокинуть чашку с горячим чаем прямо мне на ширинку. Теперь малышу было на вид лет тридцать и пришел он не один, а с бабушкой, плохо одетой, плохо пахнувшей и согнутой в три погибели: оба они – и внук, и бабушка – не оставляли хорошего впечатления, во-первых, свалились, как говорится, как снег на голову, безо всякого звонка, без предупреждения, и именно в ту минуту, когда я собирался выходить из дома на важную деловую встречу. После долгих плаксивых извинений и объяснений, старухе наконец удалось заставить меня вспомнить их, родителей мальчика, которые давно разошлись, сволочи, а малыша с пяти лет бросили на неё, и уже давно не дают о себе знать, не интересуются даже, жива она или в могиле, смогла вырастить их сына или он запропал, так же, как его сучьи родители, чтобы они провалились, если еще не подохли! – причитала старуха, возвышая голос на моментах проклятия и возводя руки, похожие на высохшие ветви дерева, к небу, а я все старался угадать, что же их привело ко мне.

– А что случилось? Что вам нужно? – прервал я её изливания, помахав рукой перед её подслеповатыми глазами.

– А? – не поняла или не расслышала старуха.

– Что вас привело ко мне? – спросил я уже громче, пока не надеясь на ответ.

– А? Что? – спросила она еще раз, как простолюдины, которые не воспринимают вопрос с первого раза.

В конце концов она перешла к сути дела. Внук её, вот он, перед вами, чистый, честный мальчик, ничего не делал, а эти твари и подонки хотят его арестовать...

Тут её причитания перешли в откровенный заунывный плач. Внук стоял рядом,

как изваяние, по лицу его нельзя было прочесть абсолютно ничего, никаких эмоций – не человек, а памятник Дзержинскому.

Минут через двадцать, когда я периодически получал на телефон тревожные, нетерпеливые сообщения и сидел, как на иголках (точнее – я стоял, надеясь, что это вынудит моих посетителей поторопиться покинуть меня, но язык жестов и телодвижений был им чужд), я понял, что встреча уже не состоится и более спокойно стал вслушиваться в обрывки пояснений, прерываемых жалобным плачем престарелой женщины, которая стояла в такой позе передо мной, будто поклонилась мне и не хочет разогнуться. Это еще больше прибавило мне неловкости, и теперь я все свое внимание направил на её слова, которые в уме отделял от шелухи жалоб, плача, ругательств, чтобы докопаться до сути. А суть была такова:

Её внук работал секьюрити в охране одной из второсортных гостиниц, теперь из-за карантина (непродолжительный плач по коронавирусу) он уже четыре месяца без работы, жить им почти не на что, и вот в их квартале ограбили магазин, унесли дорогие спиртные напитки, и участковый полицейский вешает это ограбление на её внука и требует три тысячи (а откуда их взять, они таких денег и в глаза не видали), а не то грозит, что дело передаст в суд и мальчику припают пять лет, потому как ограбление со взломом...

Суть этого рассказа сопровождалась нецензурными словами и словосочетаниями, которые старуха, не чинясь, вываливала передо мной, а я вынужден был вслушивать.

– А я даже сказала, что вы наш близкий родственник, – обрадовала меня старуха. – Ведь вас повсюду знают, как собаку, то есть, я хотела сказать, вас каждая собака знает, вы знаменитость. Он даже сказал, что читал в юности ваши книги...

– Зачем? – простонал я. – Кто вас просил?

– А как же?! – удивилась старуха. – Он мог бы и отступить тогда, нашел бы кого другого, по ком тюрьма плачет, зачем же моего мальчика?..

Мальчик все это время стоял по стойке смирно, не произнося ни звука. Я посмотрел на него.

– А он сам может говорить? – спросил я осторожно старуху.

– А как же! Только что ему сейчас говорить, еще не пришло его время говорить... – туманно пояснила старуха.

Некоторое время я размышлял, понимая, что меня втягивают в неприятную историю, но по своей дурацкой привычке одновременно прощупывая ходы, что можно было бы задействовать, чтобы помочь им: слишком уж жалостливо оба – и бабушка, и внук – выглядели. Надо помочь, думал я.

Тем не менее, я стал объяснять старухе, что сейчас плевать хотели на всякую знаменитость, что это все – авторитет, уважение к писателям и прочее – осталось в прошлом, а теперь все решают...

– А где их взять?! – сердито и в то же время плаксиво закончила за меня старуха, и я понял, что взять они хотели именно у меня.

– Хорошо, я что-нибудь придумаю, – сказал я невольно, слова независимо от меня сорвались с языка.

– А когда? – деловито осведомилась старуха.

Я записал их данные, фамилию участкового, их адрес – все, что нужно было знать в таких случаях, и... Короче – пообещал на свою голову.

Я вспомнил по их уходе, что в этой области у меня был хороший знакомый, заместитель министра внутренних дел. Ему я и позвонил. Услышав просьбу, он расхохотался в телефон. Верно – хорошее было настроение.

– Какой пустяк... Я уж думал – убийство... Ладно, не волнуйтесь, все сделаем... Если, конечно, мальчик не виновен... – поспешил прибавить он. – Все сделаем по закону.

Последняя фраза меня утешила, значит, все-таки делается по закону, а я, олух, не знал.

Через день, рано утром, мои посетители явились опять, когда я готовился выходить на этот раз на пробежку. Полусогнутая старуха вцепилась своими твердыми, как карандаши, пальцами мне в руку и потянулась облобызать, я испуганно её отдернул, и после долгих благодарностей, пересыпанных ругательствами в адрес подонков и ублюдков, сношавшихся со своими матерями, они покинули меня. И на этот раз молодой человек не произнес ни звука.

Но вот что интересно, через неделю ко мне пришел этот самый внук, уже без красноречивой бабушки. Без лишних слов он заявил мне, что магазин ограбил именно он и теперь хочет пойти сознаться, тем более, что дело пока еще не закрыто, грабитель не найден.

Я некоторое время молча хлопал глазами, уставившись ему в морду (харю, рожу, хавку зырящую, паскудную лепешку), наконец догадался спросить:

– Чего надо?

– На работу устроиться куда-нибудь... пожирнее, – сказал он.

– Нет, – сказал я решительно. – Тебя я не могу устроить на работу.

Он не стал спорить, понял с первого раза, как видно, ушлый был парень, и теперь, как и предсказывала старая ведьма, ему пришло время заговорить.

Одним словом, я вынужден был подкинуть ему немного деньжат, чтобы оставил меня в покое.

С того дня примерно раз в две недели, с пунктуальной периодичностью, как за зарплатой, этот прощелыга «отдавал мне визиты», обычно по утрам, чтобы я еще не мог уйти далеко от дома. Звонить опять своему знакомому, высокому полицейскому чину, я уже не мог, опасаясь, что мой «протезе» и в самом деле сознается в ограблении, и как я тогда буду выглядеть?.. Выходит, я выгораживал преступника?!

В следующий раз, когда он явился за зарплатой, я напрямик спросил его – чего он хочет? Не может же он всю жизнь два раза в месяц таскаться ко мне.

– Нет, я могу, – сказал он. – Мне нетрудно.

– Ладно, – смирился я. – Может, уехать хочешь куда-нибудь? Как твои родители уехали... Я куплю тебе билет...

– Что мне там делать? Чего я там не видал? Здесь как-то спокойнее...

– Ясно, – сказал я, уже приняв про себя решение.

Вот сейчас ищу профессионального киллера...

